

Глава 21. Реабилитация

Незаметно наступил 1955 год. После смерти Сталина и расстрела Бери, в политической жизни страны происходили процессы, определяемые борьбой за власть двух центральных фигур политического Олимпа: Маленкова и Хрущёва. Главные соратники Сталина должны были, с одной стороны, поделить между собой важнейшие государственные посты, обеспечив преемственность социально-политического курса, а с другой, - осуществить некие изменения, о необходимости которых в правящей верхушке не сомневались.

Разногласия возникали при обсуждении характера этих изменений и степени вовлечения в них широких общественных масс. Выход из экономических трудностей Маленков и его сторонники видели в развитии лёгкой промышленности и снижении цен на товары широкого потребления. Со своей стороны Хрущёв, очень обеспокоенный положением в сельском хозяйстве и огромными проблемами этой отрасли, настаивал на помощи селу: повышении государственных закупочных цен, расширении посевных площадей, освоении целинных земель.

И Маленков, и Хрущёв признавали необходимость реформирования социальных отношений в обществе и, в частности, необходимость отказа от принуждения, как принципа организации таких отношений. Однако предлагаемые для этого механизмы были различны. По мнению Маленкова всё должно было сводиться к осторожной, без участия народных масс, передачи власти на более низкие уровни административного аппарата. Напротив, Хрущёв, делавший ставку на активизацию всех слоёв населения, считал необходимым пробудить в массах социальную активность и часто обращался к согражданам через голову партийного аппарата.

Хотя все эти противоречия маскировались, а, но ничего не в газетах публиковались только итоговые документы и решения, обществу становилось ясным, что Хрущёв шаг за шагом вытесняет Маленкова, который 8 февраля 1955 года выступил перед Верховным Советом с заявлением об отставке. Руководство правительством перешло к Булганину, который свой пост министра обороны уступил Жукову.

Что это могло означать для людей, находящихся в лагерях, ссылке и на спецпоселении, было неясно. Несмотря на некоторое смягчение внутривнутриполитической обстановки в стране, большинство осуждённых по политическим статьям продолжали отбывать свои, как правило, необъятные сроки. В лагерях нарастала напряжён-

ность, вспыхивали восстания, самое крупное из которых, как теперь стало известно, произошло в Кимгире в мае-июне 1954 года.

И всё же в целом отношение к бывшим политическим смягчилось. И это было заметно даже в Енисейске. В комендатуре чувствовалась растерянность, непонимание того, как вести себя со ссыльными и спецпоселенцами.

Наметились изменения и в нашей семье. В апреле 1955 стало ясно, что Нина ждёт ребёнка. Беременность протекала легко. Никакой интоксикации, хороший цвет лица, хороший аппетит. Нина решила, что будет девочка.

Всё шло нормально, пока в июне не пришло письмо от Ольги Федотовны, которая звала Нину погостить в Отрадовку. Я возражал, опасаясь за Нинино здоровье. Ведь была она уже на пятом месяце беременности, а дорога была не близкой и не простой: сначала автобусом или самолётом до Красноярска, потом поездом до Москвы. От Москвы также поездом до Азова и, наконец, снова автобусом до Отрадовки. Затем, через месяц, всё в обратном порядке. Поездка, особенно на обратном пути была рискованной, и я долго уговаривал Нину от неё отказаться. Но она настаивала на своём решении:

- Потом, когда родится ребёнок, я уже как минимум полтора года не смогу повидать маму. А её надо привезти сюда, ведь она уже старенькая, да и мне она будет помощницей, - настаивала Нина.

- Но ведь вместо тебя за Ольгой Федотовной могу съездить я, это будет и быстрее и надёжнее. А тебе трястись в автобусе, допустимо ли это? Хоть с врачами посоветуйся. К тому же Ольге Федотовне нужно время, что бы решить все хозяйственные проблемы, а ты ей в этом плохая помощница, - возражал я.

Нина была непреклонна и я, в конце концов, согласился. Согласился при условии, что она будет посылать телеграммы с каждой промежуточной станции: Красноярска, Москвы, Азова, Отрадовки и так же на обратном пути.

День отъезда неумолимо приближался. Я сделал ещё несколько попыток отговорить Нину. Пугал её дорогой. Ведь она могла оступиться, упасть, поднять что-нибудь тяжёлое. Но Нина только смеялась над моими страхами. Мне ещё повезло, нашлась попутчица, ехавшая в Азов. Отъезд наметили на конец июля. Заказали билеты, оформили отпуск без содержания, заняли денег, купили кое-какие подарки. Утром двадцать шестого июля Нина с попутчицей улетела. Я ещё долго смотрел туда, где исчезли бор-

товые огни самолёта, и не мог поверить, что сейчас, придя домой, не застану там Нину.

Вечером пришла телеграмма: *“Долетели благополучно, вечером выезжаем Москву, целую Нина”*. На четвёртый день такая же телеграмма из Москвы, ещё через два - из Азова. И вот, наконец, телеграмма из Отрадовки. Я успокоился и в тот же день телеграммой поздравил Ольгу Федотовну и Нину со встречей. Всё, теперь надо было ждать! Как медленно тянулись дни. Чего только не передумал я, какие картины не рисовал себя в ночные часы. Ведь я так боялся за Нину, за нашу дочку.

А Нина чувствовала себя прекрасно, и мои страхи были не ведомы ей. Лёжа на нижней полке купейного вагона, она прислушивалась к зарождающейся в ней жизни.

– Всё нормально, Всё будет хорошо, – шептала она под стук колес. – Я побываю в Отрадовке, повидаюсь с мамой, подругами, со своим старым, родным домом и вернусь домой.

Вспомнив, что в одном из писем Ольга Федотовна писала, что Малого исключили из партии и сняли с должности, мысленно не без злорадства подумала:

- А может быть повидаюсь с Малым, посмотрю в его подлые глаза!

Ей хотелось хвастаться удачным замужеством, умным, преданным и любящим мужем. Смущала только моя национальность и то, что теперь я работаю не в тресте, а в школе. Решила, что по-прежнему будет представлять меня как поляка, и не будет говорить, что я перешел работать в школу. Ей не без основания казалось, что должность заместителя главного бухгалтера треста выглядит солиднее. В целом же она и на самом деле считала, что жизнь ее сложилась удачно. Она любила меня, верила мне, вот только Ада Симонова последнее время стала беспокоить ее:

- Уж очень назойлива она, ходит за Робочкой по пятам. Девятиклассница, а рассуждает и ведет себя как взрослая. По своей инициативе Робочка конечно ничего себе не позволит, а вот устоит ли? – подумала она, и пламя ревности опалило ее.

С трудом, подавив всколыхнувшиеся чувства, она сосредоточилась на предстоящей встрече с матерью:

- А мама, наверное, сильно постарела, - думала она. - Хорошо, что хоть припадки перестали её мучить. Надо что бы она продала дом и переехала к нам.

Потом погрузилась в воспоминания. Больше всего её мучила мысль о брате:

- Витя! Как мог он тогда написать такое письмо, так обидеть её. Наверное, хорошо, что сейчас его нет в Отрадовке. Встреча была бы тяжёлой.

И всё-таки она любила его, и ей хотелось обнять его, поцеловать, как когда-то в прошлом, когда он был ещё мальчишкой.

- Теперь он повзрослел, возмужал, офицер, танкист, живёт в каком-то Бердичеве с Верочкой. Она тогда была совсем девчонкой, а теперь офицерская жена. Почему всё-таки он написал такое письмо? Может быть, он был вынужден, как офицер, как коммунист? - думала она.

Еще она хотела встретиться с Малым. Хотела сказать ему, сказать прилюдно, как ненавидит, как презирает его.

- Плюнуть бы ему в глаза, - подумала она и тут же представила, как бы я прореагировал на такие слова, на такие мысли.

- А может быть его надо поблагодарить. Ведь, если бы не он, не арест, не лагерь, я не встретила бы Робочку, - мысленно повторила она, некогда сказанную мною фразу.

Тут мысли её невольно обратились вспять, в Красноярский край, в Енисейск, к нашему домику:

- Как они там без меня, что сейчас делают? Робочка сердит, но это у него быстро пройдёт. Лишь бы Ромочка не подвел. Последнее время он был молодцом, хорошо кушал и даже стал поправляться, а Валерик, мой родной, мой первенец, он уже большой и поможет папе по дому. Лишь бы там не вертелась Ада.

В Отрадовку она приехала к обеду. Приехала, утомлённая дорогой, особенно поездкой в автобусе, вся в пыли, незаметно, никем не узнанная, дворами прошла к себе домой. Ольга Федотовна хлопотала во дворе. Обнялись, поцеловались, поплакали, и начались будни. Разговоры, воспоминания, рассказы о семье, Енисейске.

Малого видела только один раз. Он стоял на крыльце в шароварах и майке, сытый, самодовольный, в сапогах. Увидев Нину, не поздоровавшись, ушёл в дом, плотно прикрыв за собой дверь. В свою очередь и Нина, вздохнув, с облегчением поспешила вернуться домой. Она была рада, что разговор не состоялся. Ведь неизвестно, чем бы он мог закончиться.

А я в Енисейске погряз в домашних проблемах: готовил завтраки, обеды, ужины, кормил детей, мыл посуду. Иногда забегала Ада. Без нее я вряд ли справился бы со свалившимися на меня проблемами. Так что днём переживать было некогда. Зато ночью, когда засыпали дети, я мысленно уносился в Отрадовку, рисуя в своём воображении одну картину страшнее другой. С нетерпением

ждал от Нины письма, телеграммы, отмечая в календаре медленно текущие дни.

И вот, наконец, 20 августа пришла долгожданная телеграмма: *“Выезжаю 22 августа из Краснодара поездом № (номер я забыл). Целую, Нина”*. И всё. Ни слова о самочувствии. В тот же день дозвонился до справочной железной дороги и выяснил, что поезд проходит через Ростов на Дону. А там, как я узнал уже после Ниного отъезда, с мая месяца жила Ляля с семьёй. Если бы знать номер вагона, то она могла бы повидать Нину. Послал срочную телеграмму в Отрадовку, что бы сообщили о самочувствии Нины и номер вагона. Ответа не последовало. Только на третью телеграмму получил ответ: *“Нина здорова, номер вагона не знаю. Мама”*. Значит, Нина уже в Краснодаре.

Вызвал на переговоры Лялю. Просил попытаться найти в поезде Нину. Вечером пришла телеграмма: *“Найти Нину не удалось”*. Я снова заказал переговоры с Ростовом, и Ляля рассказала, что они с Игорьком за время стоянки поезда успели пройти пять вагонов, но Нины в них не оказалось. Ещё несколько дней я пытался связаться с Отрадовкой, но безуспешно. Оставалось только ждать. Ни с одной из условленных станций телеграммы не пришли.

Вам, моим детям, хорошо знающим мой характер, легко представить моё отчаяние. Чего только я не рисовал в своём больном воображении и давно мысленно похоронил не только долгожданную дочку, но и саму Нину.

А Нина, вдоволь отдохнувшая от меня и детей, наговорившаяся с матерью, тётками, племянницами и племянниками и особенно с подругами и потратившая почти все деньги на подарки и покупки, ехала теперь, не имея свободной копейки. Питалась тем, что ей в Отрадовке собрали в дорогу. Об условленных телеграммах из Москвы и Красноярска не могло быть и речи.

Прибыв, наконец, в Красноярск, обнаружила, что ей не хватает денег, чтобы купить билет на автобус до Енисейска. Впоследствии я не раз оказывался свидетелем её легкомысленного отношения к деньгам, нежелания просчитать предстоящие расходы и свои возможности. Положение осложнялось тем, что в Красноярске в то время у нас не было ни одной знакомой души. Но ей повезло. Она встретила на автобусной станции коменданта Царькова, который дал ей займы недостающие деньги. Это была очень рискованная поездка: 340 километров по разбитой дороге в старом, гремящем своими жестяными боками рейсовом автобусе. Десять часов, на шестом месяце беременности.

Когда она появилась на пороге нашей кухни, я не мог найти слов для выражения той сумятицы чувств, которые бушевали во мне. И злость на неё за всю эту авантюру и радость, что она жива и здорова. А она, опустив сумки на пол, бросилась обнимать и целовать ребятишек, а потом, усевшись на стул, спросила:

- Ну что такого случилось, чего ты надулся, Робочка? Мы живы и здоровы, я же говорила, что всё будет в порядке.

Я, ничего не говоря, пошёл в комнату, порылся в шкатулке и высыпал ей в подол кучу почтовых квитанций.

- Что это? - удивилась Нина.

- А это моя месячная зарплата, - раздражённо ответил я.

Нина всё поняла и только произнесла:

- Ты сумасшедший! Ну что могло со мной случиться. Просто у меня не было денег, - и немного помолчав, добавила:

- А теперь я хочу есть. Лучше чего-нибудь солёного, рыбки, например.

Через три дня, отметив день рождения Валерика, я со своим любимым 9 «в» выехал в колхоз на уборочные работы.

Когда-то в школьные годы, читая Чернышевского, я не находил ничего особенного в том, что во снах Веры Павловны городские жители, на период сельскохозяйственной страды, выезжали в деревни и участвовали в уборочных работах. В романе это выглядело даже романтично. Но когда мне пришлось самому поучаствовать в такой работе, мое отношение к этой идее изменилось, естественно не в лучшую сторону.

Приехали мы к вечеру. Моросило, грязь по колёно, серые, промокшие от дождя избы, покосившиеся заборы. Разместили нас в недостроенном клубе. Стены приятно пахнут сосной, между брёвен пучки мха. Окна затянуты плёнкой. Внутри полумрак. Вдоль стен полати. На полатах солома. Сверху брезент. Моё место посередине: с одной стороны мальчишки, с другой - девочки. На ужин картошка в мундире, растительное масло, деревенский хлеб и по кружке молока.

Мои подопечные, утомлённые дорогой, уснули в тот вечер рано. Всю ночь шёл дождь. Утром бригадир пришёл часам к десяти. Долго думал, на какую работу нас направить. Ушёл, ничего не придумав, но выписать на обед мяса пообещал. С криком и шумом выбрали поваров и дежурных. Потом начались мучительные походы за продуктами: в контору, на склад, снова в контору. Долго искали председателя, который должен был подписать фактуру.

Кладовщик ругался:

- Опять привезли дармоедов.

На поле вышли только на третий день. Копали картошку. Земля чёрная, вязкая, липнущая к лопатам, рукам. Копали мальчики, собирали девочки. Среди них было несколько таких, которые, засучив рукава, вгрызались по локти в землю. Однако, большинство собирали только те картофелины, которые лежали на поверхности. Бригадир ворчал:

- Опять половина картошки останется в земле, да и копать рано, надо бы подождать, пока разведрится, но ведь и кормить за дарма себе накладно.

Через несколько дней выглянуло долгожданное солнце, и работать стало веселее. Но появилась новая забота. По вечерам к нашему дому стали подтягиваться деревенские парни, большинство выпившие. Девочки были не прочь пококетничать, мальчики ершились, назревала драка. Я с трудом сдерживал страсти. В конце концов, пришлось просить помощи у председателя. Однако выделенные нам “защитники” тоже приходили навеселе и тоже не прочь были пообщаться. Расходились только часам к двум, и я ещё долго не мог уснуть. А утром надо было идти в правление на разнарядку.

В тесной, насквозь прокуренной комнате, кроме председателя, человек десять: бригадиры, заведующая фермой, механик. Разговор неспешный, пересыпанный матом. Все жалуются на недостаток рабочих рук, инвентаря, исправных механизмов, запасных частей и инструментов. Председатель возмущается нерасторопностью бригадиров, которые, по его мнению, не могут «выгнать» на поля членов своих бригад.

- Их можно увидеть где угодно, например, на приусадебных огородах, на покосах, на городских рынках, но только не на колхозных полях, - возмущался председатель.

- Но что мы можем сделать? Им же тоже надо жить, у всех ребяташки, - высказала общую мысль пожилая, вся в морщинах женщина – бригадир полеводческой бригады, и почему-то, повернувшись в мою сторону и как бы объясняя ситуацию, добавила:

- Не поработав летом на своем огороде, зимой ноги протянешь.

Кто-то из бригадиров, сидящих рядом с председательским столом, предложил:

- Надо бы в райкоме попросить, чтобы леспромхозовских прислали. Они в прошлом году дюже как хорошо поработали.

- Лучше солдат, - выкрикнул сидящий рядом со мной мужичок с тощей бороденкой, и, подумав, добавил - леспромхозовским много платить придется.

Завязался нудный и несколько бестолковый спор.

Кончилась разрядка часам к десяти, не раньше. Ушел я с нее, не получив вразумительного ответа ни на один из волновавших меня вопросов: почему последние дни хлеб стали давать не пропеченным; когда, наконец, нам выпишут мясо; где взять свежую солому для подстилки; когда ребята смогут, наконец, помыться в бане.

Домой мы вернулись только десятого октября.

Всё увиденное, услышанное и пережитое за этот месяц угнетало. То, что многие колхозы после войны влачили жалкое существование, было мне хорошо известно. Находясь у Ляли в Больших Падах, я это наблюдал воочию. Удивляло то, что за прошедшие с тех пор годы, практически ничего не изменилось в жизни сельчан. Они все еще не имели паспортов и не могли по своему усмотрению, легально покинуть колхоз, не получали пенсии, а труд для большинства из них так и остался принудительным.

Через три дня после возвращения из колхоза начались занятия в школе. Они уже не тяготили меня так, как в начале прошлого года. Но дома забот прибавилось. Надо было помогать Нине в домашних делах. Главную проблему, как и прежде, создавала стирка. До Енисея теперь от новой квартиры было более трех километров, белья много, а Нина на последнем месяце.

Родилась Наташа 25 ноября. Утром я отвёл Нину в роддом, тот самый в котором родился Ромочка. Роддом располагался на втором этаже кирпичного здания, перестроенного из старого купеческого склада. Одна из его стен выходила на местный стадион. В приёмный покой и палаты вела крутая деревянная лестница. Встретили Нину как старую знакомую, и я, ободрённый этим, пошёл в школу проводить уроки. Когда, воспользовавшись переменной, прибежал в роддом, меня встретили поздравлениями:

- С дочерью Вас! – перегнувшись через перила верхней площадки, улыбаясь, сообщила фельдшерица.

- Уже! - только и смог вымолвить я. Сказал и тут же, поняв всю нелепость реплики, рассмеялся.

Теперь нас было пятеро. Вести уроки в этот день было очень трудно. Хотелось купить цветов и отнести их в больницу Нине, врачу, акушерке, фельдшерице, хотелось засыпать их цветами. Но была поздняя осень, и даже трава, запорошенная снегом, была черна.

Вечером, придя, домой, объявил сыновьям:

- У вас теперь есть сестрёнка, Наташенька.

Валерик с видом знатока поинтересовался:

- Сколько?
- Что сколько? - не понял я.
- Сколько весит? - уточнил он.
- Четыре сто, а что? - в свою очередь спросил я.
- Большая, - подумав, заявил он.
- Большая, - подтвердил я. - А ты откуда знаешь?
- А вот у Вовки родился брат три пятьсот, я его видел, - заключил беседу Валерик.

Ромочка, с любопытством слушавший наш разговор, спросил:

- А где Наташа?
- Она с мамой, в больнице, скоро я их привезу домой.
- Сегодня?
- Нет, через неделю.

Когда Нина появилась наконец дома, Ромочка долго, поджав губы, разглядывал сестрёнку, а потом расплакался.

- Ты, почему плачешь? - удивилась Нина.
- Жалко, - односложно ответил он, и, помолчав, добавил:
- Маленькая.

В начале декабря школа заключила со мной, как, проживающим в районе, приравненном к северным, договор. Теперь я, как и все остальные преподаватели стал получать пятидесятипроцентную надбавку к зарплате и один раз в три года пользоваться правом бесплатного проезда к месту отпуска и обратно. Наше материальное положение заметно улучшилось. В целом жизнь складывалась более или менее благополучно. Ромочка хотя и медленно, но поправлялся. Он уже ходил, но каждый порожек был для него серьёзным препятствием и он, остановившись перед ним, начинал плакать. Валерик становился все более самостоятельным, не капризничал, не обманывал, но просить прощения по-прежнему не любил. Ромочку не обижал, нас к нему не ревновал. Наташа же вообще не доставляла нам никаких хлопот. Всё время смеялась. Ходить, а вернее бегать, начала с восьми месяцев. Бежит, упадёт, вскочит и смеётся, а на лбу шишка.

В сутолоке повседневных забот теряло остроту, но никогда не забывалось наше прошлое: мрак лагерных ночей, лай сторожевых собак, окрики часовых, стекленеющий от мороза воздух и казалось лишённые плоти люди, жадно вылизывающие давно опустошённые миски. Оно преследовало нас с Ниной в сновидениях, заставляло вздрагивать при встрече с людьми в форме, обходить стороной комендатуру, милицию.

В обычные дни мы старались подавлять в себе эти чувства, но один раз в году, 13 января, в годовщину нашей первой близо-

сти, мы сознательно отдавались этим воспоминаниям. Вспоминали отдельные эпизоды нашей лагерной жизни и друзей, о судьбе большинства, из которых в то время ничего не знали. Воспоминания, то тяжёлые и мрачные, то светлые и чистые, громоздились, наползая друг на друга. “А помнишь”, - сколько раз в такие вечера звучало это обращение. В этом своеобразном конкурсе воспоминаний Нина обычно брала верх. Она помнила многие эпизоды, которые в своё время прошли мимо моего внимания. Её воспоминания, как правило, были ярче, живее, богаче деталями. Особенно, если они были замешаны на любви и ревности.

В тот день, отмечая старый Новый год, мы, расположились в комнатке, которую в шутку называли “гостиной”. Рядом в ведре с водой стояла небольшая елочка, которую я к Новому году принес из леса, и которую мы всей семьей украшали самодельными игрушками. В соседней комнате, мирно посапывая, спали дети. За замерзшими окнами черная ночь.

Как и в прошлые годы, наши первые воспоминания посвящены Ольге. От неё шли письма, полные отчаяния и слёз. Ефимчик связался с другой женщиной, начал пить, исчезал ночами. И, наконец, ничего не сказав, уехал к родителям на Украину. Оля осталась одна, больная, опустошённая. Нина возмущалась, вспоминая, с каким упорством там, за колючей проволокой, он добивался Ольгиной любви, как ревновал её к Калиновскому, каким внимательным был на первых порах.

- Вот она, ваша порядочность! - Неожиданно для меня заявила Нина.

- Почему “Ваша”? Ты что же, считаешь меня непорядочным?— притворившись обиженным, среагировал я.

- Ах, Робочка, ты тоже хорош! Помнишь больницу на лагпункте Трактовый, в которой я лежала с воспалением лёгких?

Я помнил. Тогда, при моём посещении Нины, к ней пришла Неля, лежавшая в палате вольнонаёмных, и устроилась в постели за её спиной. Тот неловкий для меня момент Нина помнила до мельчайших подробностей. Помнила, что я был плохо выбрит, что на рубашке не хватало верхней пуговицы, что белый больничный халат был мне к лицу, и она ещё подумала: «А ему подошла бы профессия врача». Помнила, и живописно описала, как я смущался и краснел под их перекрёстными взглядами, как, то и дело, думая, что этого не замечает Нина, ловил взгляд Нели.

Вспомнила она и поездку с лесного пожара, когда я, грязный и измученный борьбой с огнём, сидя на железнодорожной платформе у её ног, задремав, склонил голову на колени сидевшей рядом

Нели. Нина, в которой тогда всё клокотало от ревности, ухитрялась в то же время переживать за мою грязную и окровавленную щеку:

- Ты хоть помнишь, какой у всех нас был тогда вид, особенно у тебя? А Нелину синюю юбку, на которой ты так сладко спал? А то, как она вынимала из твоих волос веточки и сосновые иглы?

Нет, я ничего этого не помнил. Помнил только скандал, который тогда, уже в зоне, учинила мне Нина.

Я терялся в догадках. Что могли означать эти воспоминания? Неужели до сих пор не остыла её ревность к Неле? Нет, скорее всего, за этим крылось что-то новое, какая-то свежая, мучившая ее ревность. Но к кому?

В своих подозрениях я оказался прав. Но никогда не подумал бы, что ревновала она меня к Аде Симоновой. По-видимому, действовало нашептывание соседок. Удивительно, до какой степени обманывала ее интуиция. А я то еще думал, почему это Нина перестала ходить в кино. Подозрения были совершенно беспочвенными. Я смеялся, уговаривал, убеждал. В пылу объяснений, решив изменить ход её мыслей, выпалил:

- Я понял бы тебя, если бы ты приревновала меня к Вале Мизоновой, она мне действительно нравится: хорошо сложенная, женственная, симпатичное личико.

Но Нина на этот мой ход никак не прореагировала, считая, что соблазнить меня может только очень инициативная и настойчивая женщина. Валя же была скромной и застенчивой девушкой и, следовательно, никакой опасности, по мнению Нины, для нее не представляла.

Чтобы прервать неприятный для меня разговор, как бы невзначай, вспомнил, что большинство из знакомых нам политических ссыльных, в том числе Иссерлис, и Копелевич давно уже получили извещения о реабилитации, мне же ответа все нет и нет. Но Нина моего беспокойства не поделила, резонно заметив, что жалобу свою я послал позже их, и беспокоится пока не о чем. И несколько отрешенно добавила:

- Скоро получишь, думаю еще в январе.

Нина оказалась права, Ответ на мою «жалобу в порядке надзора» пришел 30 января 1956 года, за два месяца до известного доклада Хрущёва. В ответе сообщалось: «Дело по обвинению Майера Роберта Адольфовича, осуждённого Тамбовским облсудом 3 июня 1942 года по статье 58-10 ч. 2 УК к 10 годам лишения свободы, рассмотрено в Верховном Суде РСФСР 12 сентября 1955 года. Приговор Тамбовского облсуда от 3.VI.1942 г отменён,

и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления”.

Радость от этого сообщения была не полной. Нина, которая в значительно большей степени, чем я, заслуживала реабилитации, на нее рассчитывать не могла. Все, чей срок не превышал пяти лет, были амнистированы, и их дела вообще не рассматривались. На все написанные нами просьбы о пересмотре ее дела приходил один и тот же ответ: «Указом вы амнистированы, и рассматривать ваше дело не имеет смысла». Я, понимая ее состояние, всячески сдерживал свою радость по поводу реабилитации, хотя понимал, какие перспективы она перед нами открывает в будущем.

Четырнадцатого февраля 1956 года в Кремле в присутствии 55 «братских партий» открылся двадцатый съезд КПСС. Открылся за восемь месяцев до установленного срока в связи, как писали газеты, с насущной необходимостью подвести итоги происшедших после смерти Сталина изменений и выбрать курс дальнейшего развития страны. Съезд завершился знаменитым «секретным докладом» Хрущёва. Этот, потрясший общество доклад, произнесённый при закрытых дверях только перед советскими делегатами, открыл дорогу управляемой десталинизации. Сразу же после окончания съезда текст доклада был издан в виде тоненькой красной книжки. Первоначально предполагалось, что она будет доступна только членам партии. Ответственные партийные работники должны были, каждый на своём уровне, зачитать её подчинённым. Но уже в конце марта по указанию Хрущёва она была открыта для всех граждан страны. Для знакомства с докладом партийным органам было предложено повсеместно провести собрания, в том числе и в школах для учеников старше 14 лет.

Нам, учителям сорок пятой школы, доклад читал инструктор райкома партии. Читал всего два часа, тогда как сам Хрущёв потратил на его чтение четыре часа, из чего теперь можно заключить, что некоторые места доклада инструктор все же опускал. Доклад рисовал новый образ Сталина - образ тирана, день за днём создававшего свой культ, образ некомпетентного, не желающего никого слушать диктатора, «оторванного от народа» и ответственного за катастрофическое экономическое положение страны, в котором она оказалась к концу его правления.

Небольшая учительская, в которой проводилось это мероприятие, была набита до отказа. Несмотря на духоту, дверь в коридор не открывали. За столом президиума, помимо секретаря райкома, зачитывавшего доклад, директор школы и парторг, насколько я помню, им в то время был учитель физики Милевский.

Коммунисты были ознакомлены с докладом ещё в феврале. Мы же, простые смертные, слушали докладчика, затаив дыхание. Мне очень хотелось видеть лица коллег, чтобы понять, как они относятся к услышанному, но видел одни затылки, а повернуться не решался. Это было бы верхом бестактности: доклад разрушал, ниспровергал самые глубинные, внушённые пропагандой представления о Сталине. Мне было жаль, что рядом не было Нины.

В самом начале нас предупредили, что мероприятие не предусматривает ни вопросов, ни обсуждения доклада. Расходились молча, подавленные услышанным. Первые дни после собрания учителя старались не касаться приведённых в докладе фактов. Судя по отдельным репликам, можно было заключить, что большинство из них недовольны таким поворотом событий и особенно тем, что в качестве главного разоблачителя выступал Центральный Комитет партии, полностью поддерживавший в своё время все начинания Сталина. Наиболее дальновидные из них понимали, к каким осложнениям в общественном развитии это может привести.

Саша Рыковцев, тяжело переживавший случившееся, первое время вообще уклонялся от разговоров со мной на эту тему. Ведь «доклад», разрушал всю систему его политических взглядов и убеждений. Поколеблены были и взгляды на репрессированных. Как он признался, хаос в голове был ужасный. Но, в конце концов, после длительных размышлений ему все же удалось восстановить маломальский порядок. Как и большинство членов партии, он для себя все объяснил тем, что Сталина «подставили» враги партии, и, в частности, Берия, а воспользовался этим в корыстных целях Хрущев.

Ни каких сомнений в правильности генеральной линии партии на построение коммунистического общества у Саши не возникло. Должен признаться, что в те годы таких сомнений не было и у меня. Но я был уверен, что строить такое общество можно и нужно без проявления насилия, путем убеждения и воспитания. Саша не соглашался со мной:

- Неужели работа в школе ничему не научила тебя, и ты все еще считаешь, что людей к добру и благополучию можно вести одними уговорами и убеждениями?

- При чем здесь наши школьные дела. Ведь речь идет не о маленьких несмышленных детях, а о взрослых вполне грамотных гражданах страны, и их праве иметь собственный взгляд на события, даже если этот взгляд противоречит государственной идеоло-

гии. Или ты считаешь, что все должны думать и чувствовать как ты и твоя партия?

Но Саша не соглашался:

- Ты же признаешь, что цель построения коммунистического общества – хорошая, достойная цель. Так за нее надо бороться, и убирать с дороги всех кто мешает осуществлению этой цели. А для этого нужны решительность и сила.

Мне Сашина аргументация не нравилась, особенно его ссылка на мои педагогические неудачи. Но, что я мог в те годы возразить ему. Ведь не мог же я сказать, что не признаю прописных истин, что обо всем хочу иметь собственное мнение, что необходимость преклоняться перед кем бы-то ни было, даже перед Лениным, Энгельсом или Марксом, оскорбляет меня, что каждое высказывание Сталина кажется мне лживым и коварным. Но сказать об этом Саше я не решился, отделавшись слабой попыткой защититься:

- Но ведь из доклада Хрущева следует, что каждый человек имеет право иметь свои взгляды на мир, даже если они не совпадают с государственной, а, следовательно, и с партийной идеологией.

- Где это ты вычитал? Ничего подобного в докладе нет. И разве ты не заметил, как жестко реагирует Хрущев на все попытки отклониться от генеральной линии партии на построение в СССР коммунистического общества, - решительно прореагировал Саша.

- А что же ты тогда понял из доклада Хрущева? – поинтересовался я.

- Я скажу, но при одном условии, что это останется между нами, хорошо?

- Ну конечно, - поспешил я его заверить, хотя в душе посмеялся над тем, что теперь он как когда-то я просит о конфиденциальности разговора.

- Просто он расчищает себе место на политическом Олимпе, - заявил Саша.

С этим трудно было не согласиться, и все же, несмотря на такой не очень достойный мотив, многое, что делал и особенно говорил Хрущев, мне не просто нравилось, а очень нравилось. И я жадно вчитывался в газетные статьи, ожидая продолжения, но его не было. Писали о посевной, об укрупнении колхозов и индустриализации сельского хозяйства, о вреде, который приносят стране приусадебные подсобные хозяйства. Публиковались и комментировались законы и указы, призванные улучшить материальное положение населения. Надо признать, их было немало. Была повышена зарплата в государственном секторе. Снижен до 60 лет для

мужчин и до 55 лет для женщин пенсионный возраст, удвоен размер пенсий. Была сокращена на два часа продолжительность рабочей недели. Отпуск по беременности, сокращённый при Сталине до 70 дней, стал снова сто двенадцатидневным. Были отменены обязательные государственные займы. Правда, при этом на 20 лет заморожена выплата по предыдущим займам. Началось широкое жилищное строительство. Конечно, все эти меры не могли не привести к росту дефицита товаров, это мы чувствовали, но об этом газеты не писали. И вообще, печальные последствия всех этих популистских мер народ ощутил только в шестидесятые годы.

На лето 1956 года мы наметили поездку в Здвинск к Эрночке. Она должна была стать нашей первой семейной поездкой за пределы края. Денег было в обрез, дети маленькие, Наташе всего семь месяцев. Но очень приглашала Эрночка, и мы согласились.

Однако вскоре произошли события, которое, чуть было, не изменили наши планы. В марте меня и Викторю Фёдоровну Иванову по рекомендации района включили в состав комиссии, проверявшей работу Енисейского педагогического института. Как всегда, к своим обязанностям я отнёсся, наверное, слишком серьёзно. Во всяком случае, после завершения работы комиссии ректор института Иван Агапеевич Киселёв предложил мне работу в должности ассистента кафедры математики. Приступить к работе следовало сразу по окончанию занятий в школе. Естественно, я согласился, однако при условии, что на месяц съезжу к сестре и доведу свой любимый 9“в” до выпуска.

В мае 1956 года, под самый конец учебного года, неожиданная поездка в колхоз, теперь уже в Епишино, перебирать картошку,

Наконец мы все в сборе. Не хватает только бабушки Оли

хранящуюся в колхозном овощехранилище. Как сейчас помню грузовую машину, подвесные доски - скамейки, на них мои ученики, «без месяца» десятиклассники. Я стоял у кабины. Рядом Валя Мизонова, тоненькая, изящная с милым личиком. Ветер трепал наши волосы. Машину кидало из стороны в сторону, и Валя то и дело хватала меня за руку. И в эти мгновения моя душа сладостно замирала. Ребята в машине горланили какую-то песню и хохотали. А я молил Бога, что бы никто ни догадался о нахлынувших на меня чувствах. В овощехранилище ребята сочетали работу с баловством - кидались картошкой, и я никак не мог их успокоить. В полумраке невольно искал Валью глазами, переживая, что кто-нибудь может попасть в неё картошкой. Переживал и удивлялся своим чувствам.

Только в июне мы наконец-то смогли выехать в Здвинск. Собрали все, какие могли деньги, заперли квартиру, слава Богу, тогда не нужно было ставить железные двери и решётки на окна, и отправились в путешествие. Автобусом до Красноярска, потом сутки поездом до Барабинска, оттуда опять автобусом до Здвинска. В поезде ехали в плацкартном вагоне. Валерику было уже семь лет, Ромочке три года, Наташе семь месяцев. Валерик не отходил от окна, ведь это была его первая поездка поездом, Ромочка капризничал, а Наташа улыбалась всем и каждому, не закрывая рта.

Я же был весь под властью сделанного мне Киселевым предложения. Исполнилась самая заветная моя мечта: я буду работать в институте, преподавать математику. Что именно, я еще не знал, но это не очень меня беспокоило. Занятия в институте начинались с поездки в колхоз, и я надеялся, что за это время смогу подготовиться.

Вечером, лёжа на верхней полке, перебирая в памяти события прошедшего месяца, то и дело обращался к мысли о Вале. Это было какое-то наваждение. Выходило, что когда в ту новогоднюю ночь я сказал Нине о том, что ревновать меня следует не к Аде, а к Вале, то это была правда. Но ведь Валя совсем ещё девочка, только - что перешла в десятый класс. Как мог я так расчувствоваться от одного прикосновения её руки.

- Тогда просто подбросило машину, и Валя схватилась за меня, разве это не естественно, - убеждал я себя. - Надо немедленно выбросить все эти мысли из головы, и думать о деле.

Я посмотрел вниз в полумрак. Нина кормила Наташу, Валерик сидел у окна, а Ромочка спал, свернувшись в клубочек.

- Наверное, замерз, - подумал я, - В вагоне сквозняки, а у него кожа да кости, греть совсем нечему.

Я спустился и сел рядом с Ниной. Затем достал ее шерстяной платок, взятый нами на всякий случай, и прикрыл им Ромочку.

- Вот он мой мир, самые близкие и дорогие мне люди. Главное мы вместе и рядом нет надзерателей, о чем еще можно мечтать.

В Здвинск мы нагрянули цыганским табором. В домике из двух маленьких комнат надо было разместить одиннадцать человек. На кроватях Эрночка, тётя Матильда, Лиза и Нина с Наташей. Все остальные на полу: Петя, Гольди, Адя, я, Валерик и Ромочка. Каждое утро Лиза, подоив корову, поила всех нас парным молоком. Месяц, особенно для меня, пролетел как в сказке. Мы с Эрночкой, Валериком и Ромочкой уходили на речку, в небольшой лесочек и часами вспоминали далекое и не очень далекое прошлое, делились впечатлениями и заботами настоящего. Нина помогала Лизе по хозяйству, нянчилась с Наташей. Тётя Матильда ворчала, ревнуя Эрночку ко мне. Под конец не выдержала и напрямую спросила Нину:

- Нина, ты знаешь, что корова у Эрночки стельная и ей приходится каждый день покупать молоко у соседки?

Нина этого не знала и забеспокоилась, ведь у нас денег почти не осталось. Эрночка, узнав о состоявшемся разговоре, расплакалась, уверяя, что для неё наш приезд большое счастье.

*Мы в Здвинске. Нина с Наташей, я с Ромочкой,
Петя с книгой, Лиза, Валерик и Эрночка с шитьем.*

С Петей все разговоры, так или иначе, были связаны с судьбой российских немцев. К его удивлению выяснилось, что я ничего не знаю об Указ Президиума Верховного Совета СССР от декабря

1955 года “О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении”.

- Как ты, немец по рождению, мог за полгода, прошедших с тех пор, так ничего не услышать о том, что волнует твой несчастный народ, - возмутился он.

- Но ведь меня этот указ не коснулся, и комендатура меня о нем в известность не поставила, да и не должна была ставить, раз, как вы говорите, указ был секретным, - оправдывался я.

- Ну, допустим, тебя этот указ не коснулся, и тебя комендатура о нем не известила, но ведь в Енисейске кроме тебя есть, наверное, и другие немцы. Разве они тебе об этом ничего не говорили? – спросил Петя.

Я молчал. Да и что мог я ему на это ответить. Что среди наших знакомых нет немцев, что Нину вообще раздражает немецкая речь, и она всячески противится тому, что бы ввести её в семейный обиход. Я то её понимал, но поймет ли это Петя. К тому же с одной немецкой семьей мы все же были связаны. И почему это Эрна Андреевна ни словом не обмолвилась об этом Указе.

- Ну ладно, забудем об этом, - примирительно, поймав умоляющий взгляд Эрночки, сказал Петя, и дал мне прочесть то, что им с Эрночкой удалось восстановить по памяти сразу после посещения комендатуры.

В Указе значилось: “Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев - немцев и членов их семей, высланных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учёта спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, высланных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев - граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничения по спецпоселению не влечёт за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены”.

Этот Указ, как и Указы 1942 и 1948 годов, был издан без права опубликования в печати. По-видимому, правительство считало, что советские граждане не должны знать, что в СССР многие народы репрессированы по национальному признаку. Ведь это в корне противоречило официальной политике страны и Всеобщей Декларации прав человека, провозглашённой Генеральной Ас-

самблеей ООН, к которой Советский Союз присоединился ещё в 1948 году.

Немцев приглашали по одному в комендатуру и знакомили с содержанием Указа. Особой радости от этой акции они не испытывали. Ведь им было категорически запрещено возвращаться в родные места, к могилам своих матерей, отцов и детей. А куда ещё могли ехать несчастные люди, виновные только в том, что у них неподходящая национальность. К тому же, зная о секретности Указа, говорить о нём даже между собой побаивались.

Другой темой наших с Петей разговоров был июньский (1956 года) пленум ЦК КПСС, который застал меня уже в Здвинске. По сравнению с «секретным докладом» Хрущёва, принятое на нём постановление «О преодолении культа личности и его последствий» было большим шагом назад. В нём Сталин характеризовался как «человек, который боролся за дело социализма», а его преступления - как «некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в условиях ожесточённой борьбы с классовым врагом». Из постановления следовало, что заслуги Сталина значительно перевешивали его слабости, которые, по оценке авторов постановления, не имели решающего значения и не смогли свернуть партию с правильного пути.

Бабушка Оля с Наташей.

взяли такси до Енисейска. Доехали за шесть часов. Деньги, чтобы рассчитаться с таксистом, собирали у всех соседей. Дома не было даже сухой корочки.

В конце августа приехала Ольга Федотовна. Я встречал её в Красноярске. К поезду опоздал и долго бегал по залу ожидания,

Было, похоже, что Хрущёв дрогнул, и консервативное крыло партии взяло верх. Соратники Сталина боялись дальнейших разоблачений, зная свою причастность к его злодеяниям. Ничего хорошего нам это не предвещало.

Домой мы отправились в начале августа. Деньги на обратную дорогу нам заняла тётя Матильда, которая не могла дождаться нашего отъезда. В дороге заболел Ромочка, и мы страшно спешили. Приехав в Красноярск,

всматриваясь в лица пассажиров, сверяясь с фотографией. Но первой признала меня Ольга Федотовна. На самолёте лететь отказалась, пришлось ехать автобусом. Потом, по приезду в Енисейск, рассказывала Нине:

- Такой шустрый и в очках, я его сразу узнала. И добрый! Купил мне целый килограмм халвы, и я её всю дорогу ела.

Теперь наша семья, наконец-то, полностью оформилась. В доме появился представитель старшего поколения, добрый, отзывчивый, трудолюбивый. Была «бабушка Оля» к тому же очень тактичным человеком. Никогда не вмешивалась в наши с Ниной отношения, не пыталась учить нас уму-разуму. Дети её полюбили с первого дня, я тоже.